

Мои записи.

Тетрадь № 2

Пробудился рано, Но уже шупленькая хозяйка Коковина стучала ухватами и вёдрами у печи. Сухие дрова дружно трещали в печи. Коковин тоже встал и, видимо, что-то делал по хозяйству. В это время как раз он вошёл в кухню и что-то говорил негромко жене. Я решил встать. Усталости как не бывало. Взглянув в окно, я увидел повисший над рекой туман. С каждой минутой он поднимался, из гущи его вырисовывались незнакомые мне очертания. Хозяева, видимо, услышали моё пробуждение: заговорили громче. Тотчас явился и Коковин. «С добрым утром, – произнёс он, – ну, как поспали, клопы не кусали?». Я ответил, что спал превосходно. «Ну, вот и хорошо. Саня, самоварчик!» – резко крикнул он, повернув свою голову на длинной шее (шея действительно показалась длинна, может потому, что он был в майке и пиджаке) в сторону кухни. Одет он был по-домашнему: защитного цвета простые русские брюки, сапоги только были иные, не те, в которых был вчера. Эти были из простой кожи, голенища были длинные и назывались они «броднями». Чтобы голенища не спускались, они были подтянуты к ремню на ремешках. Он сел и закурил. Угостил меня, но я отказался. Лицо было сухощавое, но крепкого кирпично-красного цвета. Закурив, он достал поллитра водки и снова повелительно обратился к жене: «Саня, ты скоро ли там? Всё утро кипятить самовар!» – бросил он. Мне как-то стало неловко и я решил замять другим разговором. Я спросил его о том, что будет сегодня за собрание. Коковин рассказал, что будет учительское совещание, так называемое «кустовое». На собрание приедет зав. РОНО Ивонинская. Собрание было назначено на 12 часов дня. Во время разговора бурлящий самовар появился на столе. Принесены были свежие огурцы и солоные грибы. «Может выпьем по рюмочке, – сказал он и стал наливать, но я отказался, – Ну, как хочешь». Он налил себе чайную чашку и на один глоток проглотил содержимое, после чего не поморщился, а крикнул. Цвет лица как будто стал ещё краснее. Во время чая он раза четыре обращался к жене: принеси нож, или нет того или иного. На всё Александра Павловна отвечала: «Сейчас, Миша. Принесу» или «Ты не уж не знаешь, Миша, что у нас этого нет».

Напившись чаю, я решил идти в село. Михаил Николаевич решил идти на Бортино к Сийку (так видимо звали одного крестьянина). Жена ему говорила: «Ты опять пошёл вино пить, смотри у меня». Но Михаил Николаевич убедительно отвечал, что его вызывали в правление колхоза по какому-то важному делу.

Село Шолга было небольшое село, дома были разбросаны в косогорах.

Первым делом я решил заявиться в сельсовет, где нужно было получить деньги за отпуск. Председатель был новый, только что принял дела. Я узнал, что его фамилия Петухов, а зовут Алексей Александрович. Петухов приветливо встретив, пообещал сегодня к обеду выдать. После этого я направился в сельпо насчёт продовольствия. В конторе сельпо было сильно накурено, трудно было распознать и лица сидевших за столом людей. Людей почему-то было много, человек десять, и все сидели. Только позднее я узнал, что контора служит для посетителей и курилкой, поэтому там и дымно. Я обратился к Момотову Егору Алексеевичу. Это человек высокий, сухощавый и на вид строгий. Мне сказали, что он и парторг. Прочитав моё удостоверение, он категорически отказал в хлебе, ссылаясь на то, что месяц уже начался, а потому на меня будто нет наряда. Я сказал, что это несправедливо, что сельпо должно урегулировать вопрос, но он и слушать не хотел: «Знаем мы не меньше вас, хлеба тебе не будет, ещё не поработал, а просишь». Я решил долго не разговаривать, а идти позвонить в район. Из района ответили положительно. Так я купил пуд муки и унёс техничке для выпечки хлеба. Между прочим, учителя собирались. Новые ходили в одиночку и сторонились, а старые собирались в группы и о чём-то толковали. Коковин возвратился, кажется, немного выпивши. Вот он пролетел по селу как орёл, не глядя по сторонам. Встречал знакомых учителей по старинке – подавал руку, и, не останавливаясь, шёл дальше. С молодыми здоровался кивком головы. Времени было много. Шёл первый час. Собрание не начиналось – не было зав. РОНО. Коковин уже второй раз звонил по телефону в район, откуда отвечали, что Ивонинская в Шолгу вышла уже давно.

В половину третьего она прибыла к нам уставшая и запылённая. Учителя увидели издали и по одиночке, по двое потянулись к ней. Собрание проходило в клубе. Присутствовало около двадцати человек. Здесь кое с кем пришлось познакомиться. Собрание почти было в полном составе. Все учителя сидели на деревянных длинных скамьях. Перед самым открытием в клуб заходят мужчина и женщина, ни с кем не здороваясь, проходят на переднюю скамью и низко кланяются зав. РОНО. На задних скамьях кто-то спросил рядом сидящих: «Это кто такой очкастый?» Но на это не последовало ответа.

Вошедший мужчина действительно поражал своей какой-то особенной внешностью. Он был среднего роста, широкоплеч и сутуловат. Его крупные черты лица как-то отталкивали. На большом мясистом носе сидели большие чёрные роговые очки, из-за которых бойко прыгали острые глазки. Он был в

сером, уже поношенном костюме. На голове была клетчатая кепка. Он был средних лет. Продолговатая чёрная бородка и маленькие чёрные усы, служащие продолжением носа, напоминали изысканного франта. Под мышкой он пронёс толсто набитый портфель и несколько папок с бумагами. При ходьбе он напоминал лёт хищной птицы, кружившейся над вкусной поживой. Женщина, которая шла следом, была одета во всё чёрное. Она имела пожилой вид. Но ввиду тёплой летней погоды она была без головного убора. Волосы были причёсаны и заплетены. На косичках висели одинокие завитки волос: от роду ли они были такими или заботливая рука хозяйки постаралась показать на свет. Она, наклоня голову, искоса оглянув небольшой зал, села рядом с мужчиной. Лицо её, не выражавшее ничего, немного напоминало богородицу, какая рисовалась обычно на иконах.

Вскоре началось собрание. Зав. РОНО Ивонинская сделала краткую информацию о подготовке школ сельсовета к новому учебному году. После нескольких вопросов открыли прения. Ждать долго не пришлось. Человек в очках и клетчатой кепке первый попросил слова. Когда он встал с места, женщина негромко, в знак напутствия сказала: «Ты бы Шура помешкал, послушал как будут другие». Но человек в очках строго и резонно отмёл замечание, как отмечает дворник с тротуара сор: «Мне что другие, я и сам без других знаю». Он подошёл к столу с тремя толстенными папками и приступил к своей речи. Речь была громкая и бойкая. Почти вся была построена на общих положениях. Слушая речь, казалось, что человек не говорит, а читает какие-то газетные статьи, плохо отредактированные. Из его речи можно было узнать, что он работал где-то около Вологды и что там работают иначе, чем здесь. Поэтому нужно здесь всё перешерстить – как выразился он. Женщина несколько раз вполголоса повторяла: «Верно, верно Александр Никонорович. У нас там всё не так...» – и замолкала. А человек в очках, знакомый уже нам Александр Никонорович, говорил и говорил. Кончил он злой сатирой на заведующего Шолгской школой Коковина, назвав его бездельником, человеком, не следящим за ремонтом школы. «То, что делалось и делается – это было сделано по моей инициативе, товарищи», – говорил оратор. По сказанному можно было видеть, что человек в очках был не маленький претендент на похвалу, а может быть на что-то и большее. Вскоре он закончил своё выступление. После такой оглушительной речи никто не решался выступить. Многие перешептывались, говорили, что это приезжий из области и что он ездит, проверяет школы. Заведующие школ, особенно одна пожилая женщина из д. Линяково, явно приуныли. Критика на Коковина подействовала убийственно, он, кажется, был окончательно парализован. Лицо сделалось

более красным, вид был провинившегося человека. «А кто же, в самом деле, был этот человек в очках?» Мысленно спрашивал я. Вскоре узнал, что это Костров, зять Рафаила Ивановича Пономарёва, он будет работать у нас в школе. Неприятное чувство прошло и словно ожгло меня. Я сразу понял, что с ним сработаться нелегко. Да и что он? Уж больно он скользкий, заковыристый. Кроме того я узнал, что в нашей школе будет работать Пономарёв Михаил Рафаилович, сын Рафаила Ивановича. Таким образом, из семи учителей – четыре родственника. Семейка – нечего сказать! Пономарёва Михаила Рафаиловича я знал ещё раньше. Он был моим учителем в начальной школе. С ним теперь я встретился просто. Он поздоровался со мной, поздравил с окончанием школы и началом работы. И, оглядев с ног до головы, как бы смерив меня, сказал своему отцу Рафаилу Ивановичу: «Вот и мой ученик, видишь, стал учителем». В этих словах была законная гордость учителя о своём воспитаннике.

Михаил Рафаилович был среднего роста, сухощав на лицо, чёрные волосы были причёсаны на бок. Он почти постоянно курил, держа мундштук в зубах. Он родился в этом селе в семье учителя. Окончил мужскую гимназию. Хотел сделаться врачом – нервов моих хватило бы на это дело – говаривал он. Но врачом быть не пришлось. В 1918 году был использован учителем в начальной школе. Вскоре женился. Прожив десять лет, жена умерла от чахотки, оставив ему двоих детей. Он женился вторично, получив в приданое дом бывшего попа, так как вторая жена была дочь попа. Мой старый учитель заметно постарел. На ногах как будто осел, глава немного выщвели, некоторые слова произносил в нос. Мне показалось, что мой приезд в школу вызвал какое-то удивление в нём, которое скрыть было невозможно.

Рафаил Иванович, отец Михаила Рафаиловича, был крепкий и широкоплечий старик. Он около сорока лет работал учителем, но работа не изнурила его. Только с годами заметно постарел. Он почти не говорил, кроме слов: «Приятно, приятно...». С Пономарёвыми я поздоровался до собрания. Теперь во время собрания отец и сын сидели на задней скамейке. Отец чему-то слегка улыбался, а сын задумчиво курил. После немногочисленных выступлений Ивонинская сделала заключительное. Собрание было закончено. Пономарёвы во главе с Костровым поднимались в гору к своему дому. Кострова, её звали Екатерина Рафаиловна, поминутно говорила: «Ну и учителя, все молчат, никто не говорит. Какая пассивность. Если бы не Шура так все бы и промолчали. У нас там не так». В голосе чувствовалась раздраженность.

IV.

Лето клонилось к концу. Некогда богатая листва на деревьях начала засыхать, а при первом верховом ветре стала усыпать ещё не успевшие загрязниться дороги. Дни значительно уменьшились, и днями поползла тихая осенняя прохлада. Мне отвели пока маленькую комнатку: три шага в ширину и пять в длину. Но мне она пришлась впору. В одном углу напротив лежанки-печки я примостил топчан, к большому итальянскому окну поставил стол, в угол принёс шкаф для книг – вот и всё убранство, не считая 2-х стульев. Здесь и проводил первые дни жизни в Шолге. Разлука с друзьями сказывалась ежечасно. Поэтому я как лошадь, привязанная за узду к перилам крыльца, била ногой и спешила в путь, желая, как можно скорого начала учебного года. А вторая половина августа тянулась удивительно медленно.

Я перерыл всю школьную и сельскую библиотеки в поисках книг по истории, но ничего хорошего кроме двух-трёх книг не нашёл. Когда я решил познакомиться со школьной библиотекой, то меня удивило то, что все книги не лежали в шкафу, а были разбросаны не полу небольшой комнаты вместе с исписанными ученическими тетрадями. Здесь я ближе познакомился с Костровым. Он уже до меня рылся в ворохе бумаги. Что искал этот человек сной(?) бородкой, но уже без очков? Меня удивило то, что он книги, имеющие большую ценность, особенно для меня как историка, отбрасывал в сторону, считая их ненужным бархлам. Когда я спросил, что уж не сортирует ли он книги, он сухо ответил: «Выбросить вон те надо, книги божественные и вредные». Я удивился, как они попали сюда. Поинтересовавшись, я заглянул в растрёпанную кучу. И что же: там были книги по средней и древней истории, Ключевского, Коваленского и даже нашёл атлас исторических картин. Каково же было моё удивление, когда я нашёл эти нужные мне книги, преданные Костровым «огню и мечу». Я отобрал и бережно сложил в кучку. Костров пристально смотрел на меня, но я не обращал и внимания, извлекая из «бархла» новые книги. Моё чувство было огорчено этим человеком, наступившим на любимую мою находку. Как можно было так относиться с книгами, а ещё учитель, думал я. Должно быть «много» понимает со злобой подумал я. Костров пытался вступить в разговор, но я неохотно отвечал. Костров искал здесь чистой бумаги, незаписанной учащимися. Он наложил целый портфель, достаточно вместительный.

Собрав учебники и учебный материал, я решил планировать. Дело было новое и по-своему трудное. Я решил обратиться к одному из учителей-старожилов, работавшего в начальной школе. Учитель сначала помялся, указал, что он не в курсе дела, работал, мол, в младших классах и, кажется,

понял, что его пришли проверять. Так ни с чем я ушёл обратно. Больше ни к кому идти не решал. Целых два дня планировал, взвешивал материал, определял сроки работы. План вышел на первый раз хорошим. Правда, жизнь изменила его, этого и следовало ожидать. В школу ежедневно приходили учащиеся, желающие поступить в 5-е классы. Заявления принимали Пономарёвы, т. к. всё лето они жили дома.

Дни приближались к районной конференции. Я ждал её с нетерпением, ведь впервые я вступаю в этот большой культурный отряд учителей.

В село Подосиновец я прибыл рано утром. Учителя съезжались со всех концов района. Как и на нашем кустовом совещании учителей, молодые учителя сторонились, держались своих товарищей, а пожилые собирались кучками и о чём-то толковали, иногда громко смеялись. В 12 часов дня открылась конференция. Костров прошёл на передние места, вслед ему прошла и жена его. Доклад Ивонинской был длинён и утомителен. Он отличался обилием цифр и фактов. После доклада были открыты прения. Удивительно то, что и здесь первым выступил Костров. Речь его была хвалебного порядка в свою пользу. Он указывал, что многое в районе не делается, что даже стыдно и слышать «постороннему» человеку такие факты. Что РайОНО нужно заинтересоваться некоторыми школами и сделать конкретные выводы. В конце речи он снова, как и на кустовом совещании, обрушился с критикой на Коковина. В конце речи он кинул лозунг о 100% успеваемости. Когда он сел, словно гроза свалилась со всех присутствующих. Он приводил в какое-то угнетённое состояние весь зал. Его голос, чрезвычайно громкий, как-то неприятно резал слух. Многие присутствующие на конференции приняли Кострова за представителя Облоно. Но часть учителей его знала, что он будет работать учителем 3 класса в Шолге. Об этом узнала и Якимова, назначенная директором в нашу школу. В перерыве между заседаниями пришлось с ней несколько познакомиться. В конце конференции я узнал, что Якимова в Шолгу ехать отказывается. Коковин утверждал, что она не едет только из-за Кострова. А Костров, между прочим, принимал самое активное участие и в выработке резолюции. Вносил некоторые изменения и дополнения, правда, большинство из них было конференцией отвергнуто.

В один из перерывов, когда я направлялся в кульмаг, я по пути услышал чей-то знакомый голос: «Аркадий, да разве ты здесь?». Я оглянулся. К моему удивлению я увидел своего товарища Чебыкина Якова, кончавшего со мной техникум. Я был несказанно рад такой неожиданной встрече. Как он сюда попал, ведь он хотел ехать в институт на учёбу. Это был мой лучший товарищ. Я с ним был уже знаком года три по совместной учёбе. Последний год учёбы я учился вместе на одном курсе, работал за одним столом. Я больше всего

сроднился с ним. Особенно сильно нас сроднили книги и литературный кружок, в котором членами были: Яков, Саша Логинов, Елфимов, Рупасов и я. Все мы настолько интересовались стихами, что многие из нас считали себя «законченными поэтами». У нас дружба с Яковым была чистая, прозрачная и неподдельная. И вот после непродолжительной разлуки, после первой осязаемой грусти как хорошо бывает повстречать друга. Сильно прибывает сил и веселья. Я крепко жму его руку и с удивлением спрашиваю: «Почему здесь, не в Вологде, ведь писал, что едешь учиться. Как так вышло?» Он слегка усмехнулся и неопределённо сказал: «Да, вышло так, что очутился здесь», – и сразу стал расспрашивать обо мне, где и как устроился я. Я вкратце рассказал о себе. Мы, кажись, шли и наслаждались встречей. Яков собирался работать, но где – он ещё не знал. Мне, как теперь помнится, пришло в голову пригласить своего друга поехать в одну школу. На моё предложение Яков не возражал. Пошли в РОНО, Ивонинская назначает Якова Фёдоровича Чебыкина заведующим Шолгской ШКМ и учителем физики. Радость переполнила моё сердце: наконец будет работать со мной один из знакомых товарищей.

Мы вместе провели остаток дня; назавтра Яков уехал домой, обещая через день вернуться, а я отправился в Шолгу. Через день приехал Яков Фёдорович. Я сразу же познакомил его с окрестностями села. Село моему товарищу, по-видимому, понравилось, но обычное деревенское безлюдье на время смутило нас. Мы поселились в меленькой комнатке в одном из зданий школы.